

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. БЕЛОГОЛОВОГО О ГЕРЦЕНЕ

Публикация Б. П. К о з ь м и н а

Автор печатаемого ниже отрывка из воспоминаний о Герцене Николай Андреевич *Белоголовый* (1834—1895), выдающийся врач-терапевт, публицист и мемуарист.

Первая встреча Белоголового с Герценом произошла в 1861 г. Ей предшествовало эпизодическое сотрудничество его в герценовских изданиях. Еще в 1859 г. на страницах второго номера особого приложения к «Колоколу», выходявшего под названием «Под суд!», появилась статья Белоголового, посвященная дуэли между двумя чиновниками особых поручений при восточносибирском генерал-губернаторе Н. Н. Муравьеве-Амурском — Беклемишевым и Неклюдовым. Дуэль эта, закончившаяся смертью Неклюдова, вызвала большое возбуждение в Иркутске (см. об этом подробно на стр. 228 настоящего тома). Белоголовый в своей статье подробно описал эту историю. Разоблачения Белоголового были весьма неприятны Муравьеву, и он добился через М. А. Бакунина, своего родственника, опубликования в «Колоколе» опровержения статьи Белоголового. Это и послужило причиной поездки в 1861 г. Белоголового в Лондон. Он хотел убедить Герцена в своей правоте и для этой цели собрал много материалов, рисующих Муравьева в крайне неблагоприятном свете. Узнав, что Герцен уехал из Лондона в Париж, Белоголовый направился туда же. Привезенные им материалы убедили Герцена в его правоте. Тем не менее печатать ответ Белоголового на статью, присланную Бакуниным, Герцен отказался. «...Хотя рассказ ваш,— сказал Герцен,— заставляет тускнеть образ героя Бакунина, но вы поймете сами, что печатать мне теперь какое-нибудь разоблачение против него, когда он в ссылке и не может ничего сказать в защиту своих поступков, было бы с моей стороны более чем простительно. Правда — мне мать, но и Бакунин — мне Бакунин», — заключил Герцен (Н. А. Б е л о г о л о в ы й. Воспоминания и другие статьи. СПб., 1901, стр. 537).

Воспользовавшись своим свиданием с Герценом, Белоголовый передал ему еще кое-какие документы, характеризующие сибирскую администрацию (там же, стр. 538).

Статья о дуэли Беклемишева с Неклюдовым была не единственным выступлением Белоголового в изданиях Герцена. Из воспоминаний Белоголового о декабристе Поджио мы узнаем, что Белоголовый обращался к издателю «Колокола» по делу, касавшемуся Поджио. Племянники декабриста отказались вернуть ему его имущество, находившееся в их руках, и Белоголовый без ведома Поджио, но с согласия его жены, написал об этом Герцену. Письмо Белоголового было напечатано в л. 103 «Колокола» от 15 августа 1860 г. (в отделе «Смесь»). Смущенные публикацией «Колокола» племянники Поджио вернули ему удержанное имущество, о чем Герцен сообщил в л. 135 «Колокола», очевидно также на основании информации, полученной от Белоголового (там же, стр. 105—106).

На этом, насколько известно, сотрудничество Белоголового в изданиях Герцена прекратилось. Встречались же они друг с другом еще два раза.

В 1865 г. Белоголовый посетил Герцена в Женеве, куда издатель «Колокола» переселился в том же году из Лондона. Третья встреча Белоголового с Герценом состоялась в Париже в 1868 г. (а не в 1869 г., как пишет Белоголовый в своих воспоминаниях).

Публикуемый ниже отрывок из воспоминаний Белоголового, зачеркнутый в рукописи, повидимому, самим автором, целиком посвящен взаимоотношениям Герцена и «молодой эмиграции». Этот вопрос Белоголовый затронул в своих воспоминаниях о Поджио, который в шестидесятых годах жил в Женеве и встречался с Герценом. Либеральные политические взгляды Белоголового не могли не отразиться на его отношении к Герцену и к «молодой эмиграции». Герцена Белоголовый характеризует как человека, будто бы «уже терпящего реальную почву под ногами, вследствие двадцатилетнего отсутствия из России, и потому неясно разбившегося в том гигантском бро-

жении умов, какое внесло на родине первое десятилетие нового царствования». Что же касается «молодой эмиграции», то, по мнению Белоголового, «состоя из незрелых юношей и недоучившихся студентов,¹ она не имела определенных политических взглядов, и вся программа ее сводилась на огульное отрицание всего прошлого России <...> а в настоящем — на полное уничтожение всякого государственного и общественного строя...» (там же, стр. 116). Конечно, такой взгляд на Герцена и представителей «молодой эмиграции» мешал Белоголовому дать правильное истолкование их взаимоотношений.

Либеральные установки Белоголового отразились и на публикуемом ниже отрывке из его воспоминаний. Вопреки исторической истине, он причисляет здесь Герцена «к той передовой партии идеалистов на философской подкладке немецкой школы, за которыми усвоено теперь название людей 40-х годов...». Белоголовый игнорирует тот общеизвестный факт, что еще в сороковых годах между Герценом и «идеалистами на философской подкладке немецкой школы» произошел разрыв, явившийся результатом материалистической позиции, занятой Герценом.

Неправильная трактовка Герцена, тем не менее, не лишает публикуемый отрывок интереса с точки зрения выяснения внутриэмигрантских взаимоотношений в середине шестидесятых годов. В частности, значительный интерес представляет упоминаемое Белоголовым вторжение русских эмигрантов ночью в дом Герцена для выяснения, не скрывается ли у него их товарищ — А. А. Серно-Соловьевич, которого они намеревались, вследствие обнаружившейся у него душевной болезни, отправить в психиатрическую лечебницу и который, узнав об этом, скрылся от них. Герцен, видимо, был крайне возмущен их бестактностью. Это объясняет нам его враждебные отзывы о ближайшем друге Серно-Соловьевича, А. А. Черкесове. До сих пор оставалось неизвестно, о каком возмущившем его эпизоде упоминал Герцен в своих письмах, говоря о Черкесове.

При оценке печатаемого отрывка воспоминаний Белоголового необходимо иметь в виду, что автор его приехал в Женеву, когда взаимоотношения Герцена с «молодой эмиграцией» были особенно обострены после столкновений на эмигрантском совещании, состоявшемся в Женеве в конце декабря 1864 — начале января 1865 г. (см. об этом подробнее в нашей статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 15 и сл.).

Отрывок печатается по автографу ЛБ, ф. Белоголового, п. 2/2. Текст сообщен С. А. Макашиным.

¹ Возвращаясь опять к нашей теме, к вопросу о «Колоколе», я спросил Герцена, почему в его издании так мало встречается сотрудников из обширного круга молодой русской эмиграции? К 1835 году русская жизнь уже успела выбросить немало скомпрометированных в глазах правительства личностей за пределы родины, и почти все они приотились в Женеве; тут были Жуковский, Утин, Серно-Соловьевич, Николадзе и еще, может быть, до десятка лиц, фамилии которых я забыл, и мне хотелось знать, в каких отношениях к Герцену эта позднейшая генерация эмигрантов.

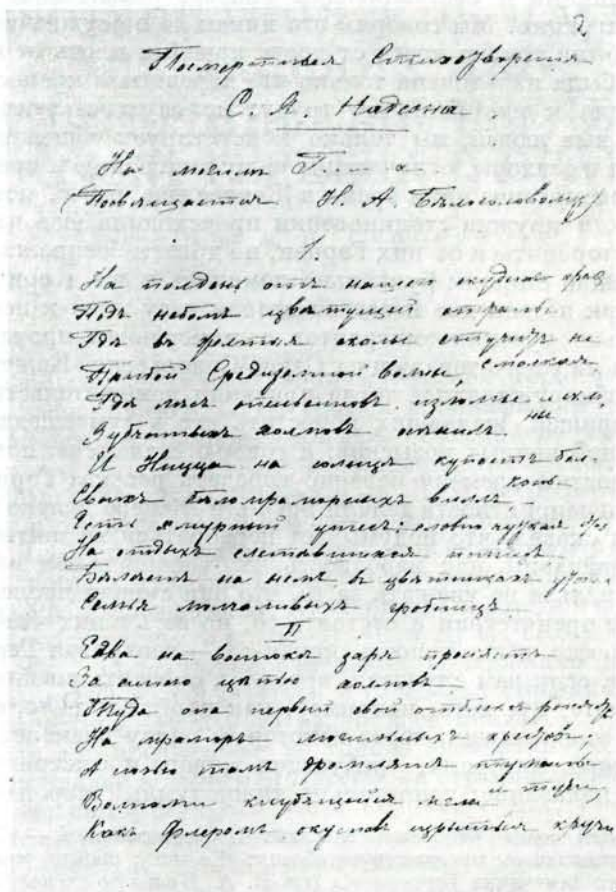
«Да, их теперь здесь немало, — [не без горечи] отвечал Герцен, — лично я их всех знаю, но близко из них, к сожалению, ни с кем сойтись не мог. Большинство не имеет никаких средств к существованию и едва-едва перебивается со дня на день; многим я помогал денежно, но моих средств не хватило бы взять их на постоянное содержание, да и, наконец, это сплошь народ не только молодой, а совсем юноши, которым бессовестно было бы поступать так рано на богадельное содержание, жить на чужой счет, не пытаясь заняться какой-нибудь работой. Я им всем предлагал сотрудничать в „Колоколе“ за гонорар, который, как бы он мал ни был, все же мог служить подспорьем к существованию. Но это народ странный: некоторые из них совсем не могут писать, т. е. не умеют привести свои идеи в логическую связь; им следовало бы поработать и позаняться над довершением своего образования, как я им и советовал, но они или слишком ленивы,

или слишком самодовольны, чтобы признать необходимость своего дообразования. Потом в этой эмиграции есть и люди и очень способные, и образованные, которые могли бы участвовать в „Колоколе“ с пользой для издания, освеживши его притоком новых, молодых сил, но с этими другая беда: я расхожусь с ними во взглядах на многие политические вопросы чуть не диаметрально, и печатать их воззрения противоречило бы духу и направлению „Колокола“ не могу же я в самом деле пускать в печать в своем органе мнения и взгляды, которых вовсе не разделяю? Ну, а они смотрят на дело совсем иначе и мало того, что на меня сердятся, называя меня и деспотом, и буржуа, и разными скверными словами, но даже настаивают на том, что я должен отдать „Колокол“ в их полное распоряжение, отрицая мои права на него и говоря, что они должны находиться в руках более деятельной партии эмигрантов. Вот до чего у нас доходит дело!».

Все это Герцен говорил без малейшего раздражения и с искренним беззлобием, хотя надо думать, что этот разлад его с молодой эмиграцией был для него тягостным разочарованием, тогда как для стороннего наблюдателя, как я, представлялся довольно понятным и натуральным. Стоит только вспомнить, что прошло уже около 20 лет, как Герцен выехал из России, что по воспитанию и знакомствам он принадлежал тогда к той передовой партии идеалистов на философской подкладке немецкой школы, за которыми усвоено теперь название людей 40-х годов, и всю дальнейшую свою эволюцию политического деятеля проделывал уже в среде западных вожakov международной революции. Жил он последние годы в Лондоне, где хотя и находился в постоянном общении с русскими, но русские, его там навещавшие, принадлежали почти исключительно к партии, которая перед ним благоговела, и жила и думала его мыслями, по его рецепту: те люди и ехали-то в Лондон затем собственно, чтобы выразить ему чувства своего уважения, как правоверные едут в Мекку для поклонения. По этим образцам Герцен не мог познакомиться с тем новым типом молодежи, который начал вырабатываться в России на рубеже между 50-ми и 60-ми годами; он мог составлять себе понятие о нем только по литературным портретам в современном романе и повести и по бесшабашным приговорам нового отрицательного направления в критике, но лицом к лицу с этим новым типом нигилиста он столкнулся лишь в Женеве, куда переселился, помнится, в 1864 году и где столкнулся с десятком русской молодежи почти исключительно из студентов русских университетов, бежавших с родины от преследований правительства и укrywшихся на безопасной и дешевой почве Швейцарии. Многое озадачило и поразило его при знакомстве с молодой эмиграцией: и грубость ее внешних приемов, и резкость ее суждений и полный разлад с прошлым России, и полное отрицание оппозиционной деятельности предшествовавших поколений. Может быть, до некоторой степени при этом страдало и самолюбие Герцена, избалованного дотоль атмосферой поклонения и почета, которой окружали его все соотечественники, искавшие с ним встречи в Лондоне, хотя для знавших хорошо характер Герцена такое мелочное чувство меньше всего могло иметь влияния на отношение его к молодым. А молодая эмиграция, со своей стороны, со свойственным ее возрасту высокомерием смотрела на Герцена, как на старика, уже спевшего свою песню и которому пора сойти со сцены; притом же это время как раз совпадало с разгаром развенчания нашей молодежью всех авторитетов, с развенчанием, которого не избегли лучшие наши корифеи и таланты. Было и еще крупное обстоятельство*, внесившее охлаждение в описываемые отношения: Герцен был человек с обеспеченным состоянием, можно сказать — богатый; молодая же эмиграция состояла почти наподбор из людей, не располагавших не только средствами

* В подлиннике, очевидно, описка: отношение

к существованию, но не умевших даже зарабатывать свое пропитание трудом, частью вследствие своего незнакомства с новой для него заграничной обстановкой, частью вследствие плохого своего приспособления к какому-нибудь труду по причине незаконченности своего образования. Бедствовать этим людям приходилось на первых порах страшно, и нужда нередко заставляла их прибегать к помощи Герцена; он не отказывал,

СТИХОТВОРЕНИЕ НАДСОНА «НА МОГИЛЕ ГЕРЦЕНА»,
 ПОСВЯЩЕННОЕ Н. А. БЕЛОГОЛОВУ

Список рукой Н. А. Герцен

Лист 1

«Пражская колленица»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

помогал, но подобные отношения всегда неизбежно влекут за собой некоторую натянутость; то Герцену казалось, что молодежь теребит его кошельки слишком часто и бесцеремонно и обнаруживает в себе мало самостоятельности и расположения ко всякому труду вообще, то молодежь находила, что Герцен помогает ей меньше, чем он это мог делать по своему состоянию.

Мы и теперь, через двадцать пять лет после описываемого времени, когда русская политическая эмиграция удесятерилась, видим, как обособленно живет она в западной жизни, куда насильственно выбросили ее

наши политические смуты, как она бедствует и как только очень немногие из ее представителей сумели приладиться к какому-нибудь занятию, дающему им возможность самостоятельного существования. Отсутствие всякого определенного занятия, вечная праздность и постоянное вращение в узкой сфере своего эмиграционного кружка неизбежно влечет к ссорам, пересудам и мелким сплетням, непрерывно поселяющим раздоры между единомышленниками и составляющим дешевое развлечение в однообразной жизни эмиграции. Мы говорим это никак не в осуждение наших эмигрантов: они были только кость от кости нашей и плоть от плоти нашей, а плоть наша была избалована только что пережитым крепостным правом и не приурочена к настойчивому труду; не осуждая этих и без того многострадальных людей, мы только констатируем общеизвестный факт. И эти сплетни и раздоры, отличающие нашу эмиграцию и поныне, обнаруживались в описываемое нами время в Женеве еще резче, потому что при малочисленности кружка столкновения происходили еще чаще, — и как ни старался сторониться от них Герцен, но дрязги беспрестанно задевали и его, и воюющие стороны буквально ломались в его двери; так, он рассказал мне, как недели две назад во втором часу ночи к нему вторглись в дом несколько русских эмигрантов с намерением произвести обыск, не скрывается ли у него товарищ их Серно-Соловьевич. Кажется, у Серно-Соловьевича обнаруживались тогда признаки помешательства и он укрывался от товарищей, желавших поместить его в сумасшедший дом, что и было причиной ночных розысков; я говорю «кажется», потому что опасаясь за давность времени неверно передать рассказ Герцена. Все эти столкновения и неприятности делали жизнь в Женеве далеко не по сердцу Герцену, и он сказал, что подумывает перебраться на жительство во Флоренцию; самые швейцарцы, как народность, возбуждали в нем мало симпатий. «Конечно, их нельзя не уважать за то, что они сумели пронести свою свободу через все препятствия и отстоять ее, но есть в них что-то рутинное, застывшее, просто даже тупость какая-то, — говаривал Герцен, — обратите внимание, если вам случится врасплох спросить швейцарца о самом простом предмете, ну, хоть, например, как пройти туда-то, он вам тотчас не ответит, а сообразивши, через некоторую паузу времени. А толковать с ними о сложных материях, требующих живого и быстрого обмена мыслей, — чистое наказание; удивительно тяжкодумный народ!».

¹ Публикуемый текст относится к главе II воспоминаний — «Три встречи с Герценом». В рукописи он предшествует абзацу: «Не могу обойти мимо еще одного поразившего меня замечания Герцена...» (см. Н. А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. Посмертное издание, М., 1897, стр. 631).